

4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
5. Пономарева О. Б. Когнитивные и прагмо-стилистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецким языками): монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. 164 с.
6. Серебренникова Е. Ф. и др. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
7. Эмирова А. Н. Русская фразеология. М.: Просвещение, 1988. 245 с.
8. Fielding H. Bridget Jones: The Edge of Reason. London: Penguin Books, 2004. 338 p.
9. Gaiman N., Pratchett T. Good Omens. HarperCollins, 2011. 432 p.
10. Rowling J. K. Harry Potter and the Deathly Hollows. N. Y.: Arthur A. Levine Books, 2007. 761 p.
11. Rowling J. K. Harry Potter and the Half-Blood Prince. N. Y.: Arthur A. Levine Books, 2005. 653 p.

О. В. Новоселова

КОМПОЗИТНАЯ УГРОЗА КАК КОНСТРУКТ МЕНАСИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ: В данной статье рассматриваются дискурсивные композитные практики со значением угрозы, которые оказывают эмоциональное воздействие на собеседников в рамках коммуникативного перформативного конструкта угрозы, а также которые способны создавать коммуникативное пространство менасивной реальности.

SUMMARY: This article deals with the discursive composite threat-practices which change interlocutors' emotional states within the threat communicative construct and form communicative space of menasive reality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: композитный перформатив, коммуникативный конструкт, диспозиции Я-адресанта и Я-адресата.

KEY WORDS: composite performative, communicative construct, I-speaker and I-hearer's dispositions.

В англоязычной речевой практике встречается достаточное количество языковых выражений, которые выступают в комплексном виде как одно сложное высказывание или комплексная дискурсивная практика. Подобные конструкции называются композитными перформативными высказываниями, т. е. они представляют собой комбинации, имеющие в своем основании структурное образование типа ПЭ + ДСК: перформативный элемент + дополнительный строевой компонент [Романова, 2009: 7]. Несмотря на наличие языковых фактов, фиксирующих взаимодействие перформативных глаголов в несвойственных им грамматических формах с дополнительными строевыми элементами, следует признать, что феномен композитных перформативов не стал объектом пристального внимания исследователей [Романова, 2009: 64], в частности до настоящего вре-

мени не были описаны семантические и функциональные характеристики англоязычных композитных перформативных конструкций со значением угрозы. Так, становится непонятным, как и с помощью какого инструмента оценивать в функционально-семантическом плане высказывания-угрозы, объединенные в одно комплексное речевое действие, которое включает в себя несколько перформативных высказываний, например: (1) *I'm telling you exactly what's going to happen if you don't* (Dreiser, 2010a); (2) *I want to box your ears* (London, 2010b).

Известно, что типичной формой выражения коммуникативно-интенционального содержания перформативных высказываний является стандартная перформативная формула [Романов, 1988: 48]. Тем не менее указанная форма способна к различного рода модификациям, преобразованиям и строевому изменению и главным образом конструктивному расширению, приобретая статус *композитного перформативного образования* [Романова, 2009: 64]. Перформативные композиты представляют собой единый смысловой и конструктивный комплекс [Романова, 2009: 25], значение которого воспринимается как «цельноспаянная семантика» [Уфимцева, 1974] и значение которого нельзя поделить на части, его можно лишь в целом соотносить с «единицей мышления» [Чесноков, 1979]. Матричную формулу композитных перформативных высказываний можно представить следующим образом [Романова, 2009: 65]:

$$\text{NP} - \text{MV} - \text{NP} - \text{IPV} - \text{S},$$

где **MV** обозначает предикатное ядро, **IPV** – перформативный глагол в форме инфинитива.

Итак, композитный перформатив представляет собой осложненную матричную формулу «чистого» перформатива, с той разницей, что в ней перформативный компонент употребляется в форме инфинитива [Романова, 2009: 67]. Например, композитные практики-угрозы (3) *If you don't help me, I must send it* (Wilde, 2010) и (4) *I can ruin you for life if I choose to open my lips* (Collins, 2010) можно представить следующим образом:

$$\text{NP} - \text{MV} - \text{NP} - \text{IPV} - \text{S},$$

<i>I</i>	<i>must</i>		<i>send</i>	<i>if you don't help me</i>
<i>I</i>	<i>can</i>	<i>you</i>	<i>ruin</i>	<i>if I choose to open my lips</i>

При использовании в композитных менасивных конструкциях дополнительных строевых элементов, например, модальных глаголов, «модализированных перформативов», наблюдается некоторая дисперсия их значения, так как в своем большинстве они абстрагируются от своих конкретных лексических значений и не столько модифицируют семантику исходного образца, сколько отражают уровень регулятивных отношений между участниками речевого взаимодействия [Романов, 1988; Романова, 2009: 66]. Приведенные примеры еще раз подтверждают необходимость систематизации дополнительных строевых элементов англоязычных композитных высказываний со значением угрозы для выявления роли указанных элементов в формировании прагматической направленности указанных практик в коммуникативном плане.

Исследованный эмпирический материал со всей очевидностью показывает, что англоязычные композитные практики-угрозы, реализованные по семантической схеме NP + *must / should* + NP + S, используются в ситуациях, когда говорящий стремится избежать личной ответственности за дискомфортное положение дел для адресата и сигнализирует о своей непричастности к этому, о том, что определенные обстоятельства вынуждают его декларировать возможное совершение менасивных действий. Например: (5) *We **must** have you whipt; you are at least as much rogue as fool* (Scott, 2010d); (6) *If you were, I **should** crack you like a flea* (Sabatini, 2010); (7) *But if you do deceive me, and I **should** find it out, I will quit you the same day* (Dreiser, 2010g).

Англоязычные менасивные композиты, соответствующие семантической схеме NP + *can / may* + NP + S, используются в ситуациях с непринужденными и нейтральными отношениями между собеседниками. Указанные модальные модификаторы выражают физическую возможность говорящего совершить менасивные действия. Ср.: (8) *I **can** lick you!* (Twain, 2010); (9) *We **can** make a lot of trouble for you if we want to* (Dreiser, 2010d); (10) *It **can** only harm you, and that's the truth* (Dreiser, 2010e); (11) *If he means to blab us among his new friends, we **may** stop his mouth yet* (Dickens, 2010b).

Как показывает эмпирический материал, к дополнительным строевым элементам, ослабляющим перформативное воздействие угрозы, относятся следующие выделенные жирным шрифтом «включенные предикаты», по В. В. Богданову [Богданов, 1977]: (12) *But I **warn** you all that a time's coming when you're going to feel sick whenever you think of this day* (Twain, 2010a); (13) *I **recommend** you to take yourself off, and be talked to presently, you fool! while there's time to retreat* (Dickens, 2010a); (14) *Never mind whether they're two mile off, or twenty, but get up and come on, or I'll kick yer, and so I **give yer notice*** (Dickens, 2010b); (15) *I **declare** I'll make Jip bite you if you are so ridiculous* (Dickens, 2010a).

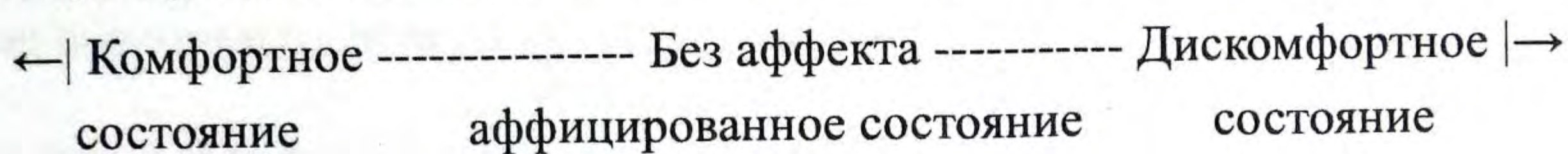
Достаточно часто перформативность высказывания маскируется под действия «неотвратимых обстоятельств», которые, с одной стороны, формально ослабляют перформативное воздействие высказывания, но, с другой стороны, сохраняют прагматическую предназначенность для установления новых социально-личностных отношений между участниками интеракции [Романова, 2009]. Тем самым говорящий демонстративно эксплицирует ослабление личностного воздействия на собеседника (уровень контроля). Например: (16) *I **re-gret** to be compelled to take this step, but you have allowed all this time to go in silence really, and Saturday is the third, and without any plans of any kind* (Dreiser, 2010e) и (17) *I am going to take this step*; (18) *Come fresh up to the lessons, I **advise** you, for I come fresh up to the punishment* (Dickens, 2010a) и (19) *Come fresh up to the lessons, for I come fresh up to the punishment*.

Также важно отметить, что с помощью дополнительных строевых элементов говорящий может демонстративно эксплицировать усиление личностного воздействия на собеседника (уровень контроля). Например: (20) *I **promise** you, that the time will come when we shall meet again, and try this game over in a more earnest manner* (Scott, 2010e); (21) *If you make a fool of me again, I'll soon cure you, I **warrant** you!*

(Dickens, 2010b); (22) *Still, I swear this, that, when the days lengthen, I will go up alone against him and challenge him to battle, and conquer him or fall* (Haggard, 2010).

Как видно из представленных примеров, дополнительные строевые элементы англоязычных перформативных высказываний со значением угрозы не изменяют иллокутивной направленности угрозы, они маскируют ее, когда свойство перформативности скрывается за содержанием наличия или сомнения знания / незнания высказанного действия. Другими словами, они способны и пригодны расширять в специфической форме, т. е. в форме социально обусловленных конвенций, например, в условиях правомочности произнесения тех или иных конструкций как Я-высказываний, коммуникативное пространство возможных отношений между участниками социальной интеракции, порождая тем самым «новую коммуникативную реальность» [Романова, 2009].

Коммуникативное пространство менасивной реальности наглядно может быть представлено в виде коммуникативного конструкта угрозы, т. е. в виде определенной линии, направленной от полюса комфортного состояния к дискомфортному состоянию и проходящей через нейтральную позицию «без аффекта» [подробнее: Новоселова, 2013; Романов, Новоселова, 2012]:

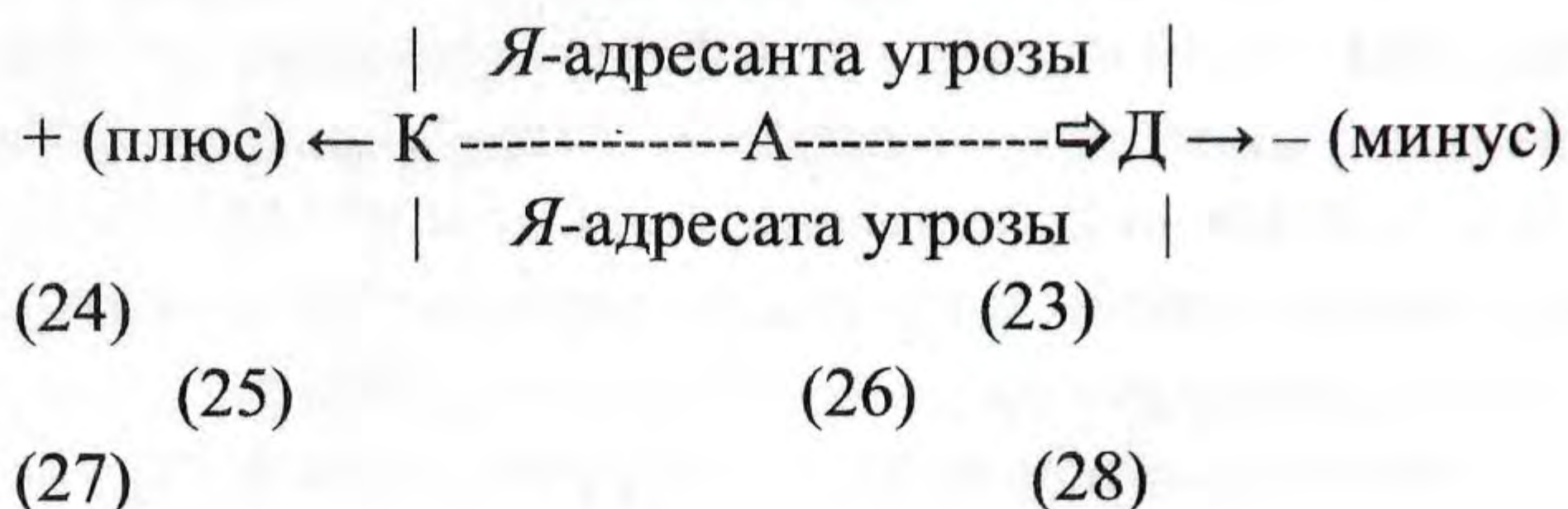
Условные обозначения схем таковы: знак → указывает направление расширения коммуникативного пространства конструкта угрозы; знак | используется для обозначения границ возможных диспозиций эмоционального состояния Я-адресата и Я-адресанта угрозы.

Для того чтобы представить эмоциональное аффицированное воздействие, которое композитная перформативная угроза оказывает на собеседников, необходимо отметить, что в когнитивном плане наиболее важными элементами для отражения полученного опыта в виде определенного конструкта являются *диспозиции модальностей Я* — говорящего субъекта как когнитивного агента, т. е. такие многообразные оттенки самовосприятия человека и предметов реального мира. Как и другие элементы, каждая *модальность Я* имеет определенное местоположение на континууме конструкта. Каждая диспозиция имеет тенденцию проявляться в когнитивно обыденном и перформативном поведении вполне определенным образом в виде той или иной перформативной практики. Причем внешний рисунок (манифестационная конструктивность) и вербального, и невербального поведения достаточно точно отражает взаиморасположение *модальностей Я* когнитивного агента [Романов, Немец, 2006].

Например, высказывание (23) *This kind of talk will do you no good* становится причиной появления аффицированного эмоционального состояния у адресата, в то время как композитная практика (24) *I warn you once more that this kind of talk will do you no good* обладает не только перформативным свойством совершать речевой акт угрозы, но и расширяет коммуникативное пространство конструкта угрозы (см. схему № 1 коммуникативного конструкта угрозы ниже, на которой отмечены диспозиции эмоциональных состояний адресатов угрозы в примерах (23) – (28)). Подобная ситуация наблюдается и в следующих примерах:

(25) *I **could** lick you with one hand tied behind me, if I wanted to* (Twain, 2010b) и (26) *I lick you with one hand*; (27) *I **warn** you that, unless you are prepared to furnish me with a satisfactory explanation, I **shall feel bound** to complain to the English Ambassador* (Voinich, 2010) и (28) *Unless you are prepared to furnish me with a satisfactory explanation, I shall complain to the English Ambassador*.

Схема № 1

Рассмотренные примеры подтверждают, что при проекции эмоционального состояния Я-слушающего, вызванного практиками (24), (25), (27), на коммуникативный перформативный конструкт угрозы наблюдается смягчение степени (вербального и социального) воздействия угрозы на адресата с помощью дополнительных строевых элементов (см. также схему № 2).

Рассмотренные выше «включенные предикаты», к числу которых относятся предикаты *мнения, намерения, оценки, надежды, разрешения, позволения, эмоционального состояния*, также принимают участие в конструктивном расширении менасивных действий. Как показывает эмпирический материал, к дополнительным строевым элементам, расширяющим коммуникативное пространство менасивных регулятивов, но ослабляющим интенсивность их воздействия, относятся такие предикаты, как, например, *warn, advise, recommend, declare, assure, beware, certain, expect* и др. См. выше примеры (12)–(19).

В этом плане интересным примером является следующее регулятивное менасивное действие, маркированное композитной конструкцией со значением угрозы: (29) *I **am so sorry** for you, Alan, but you leave me no alternative* (Wilde, 2010), которое не только каузирует слушающего совершить определенные поступки под действием возможного наказания, но обладает свойством расширения конструируемой коммуникативной реальности, координируя тем самым специфику сложившихся отношений.

Следующие дополнительные строевые элементы (выделены жирным шрифтом) обладают свойством усиления перформативного воздействия на эмоциональное состояние Я-адресата угрозы в рамках коммуникативного перформативного конструкта угрозы, например: (30) *I'm **going to** write to his wife and to Norman too, if I can't do anything else to break this up* (Dreiser, 2010f); (31) *If you will behave properly and reasonably, I **assure** you that we shall not treat you with any unnecessary harshness* (Voinich, 2010); (32) *We shall meet again, I **trust** and where there are none to separate us* (Scott, 2010d); (33) *I **know** something that's going to happen* (Twain, 2010b); (34) *But I **bet** you I'll lam Sid for that* (Twain, 2010b); (35) *I'll soon settle her wandering, I shall **warrant*** (Scot, 2010b); (36) *If thou liest, this I*

swear to thee—thy tongue shall be dragged from thee by the roots! (Haggard, 2010).
 См. также примеры (20)–(22).

Рассмотренные примеры (5)–(7) и (8)–(10) подтверждают, что при проекции эмоционального состояния Я-слушающего, вызванного менасивными практиками, на коммуникативный перформативный конструкт угрозы наблюдается смягчение степени (вербального и социального) воздействия угрозы на адресата с помощью дополнительных строевых элементов в виде модальных глаголов *can, may, must (have to)*.

На основе анализа эмпирического материала следует отметить, что канонические перформативные угрозы не способны оказывать то эмоциональное воздействие на Я-адресата угрозы, которое они оказывают в соединении с дополнительными строевыми элементами. Проанализировав то, каким образом взаимодействуют (не складываются!) значения в композитных угрозах и в какое эмоциональное состояние это взаимодействие вводит адресата угрозы, можно схематично представить коммуникативное пространство конструкта композитных перформативных угроз следующим образом:

Схема № 2

ствие угрозы (знак → на схеме выше). В интерактивном плане композитные конструкции со значением угрозы выполняют в содержательном и функциональном планах иную функцию по сравнению с каноническими конструкциями со значением угрозы. В частности, они позволяют говорящему не создавать напряжения межличностных отношений в социальной коммуникации для успешной каузации собеседника под действием наказания. В зависимости от целей говорящего они могут варьировать семантические свойства процесса каузации: в одном случае они смягчают степень воздействия на адресата, а в другом направлены на усиление воздействующего эффекта для достижения запланированной цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 205 с.
2. Новоселова О. В. Коммуникативно-конструктивное пространство регулятивных менаживных действий [Электронный ресурс] // Электр. науч. журн. «Мир лингвистики и коммуникации». Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2013. № 3 (32).
3. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
4. Романов А. А., Немец Н. Г. Дискурс утешения: лингвопсихологический анализ. М.: ИЯ РАН, 2006. 144 с.
5. Романов А. А., Новоселова О. В. Дискурсивная топонимия практик-угроз [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2012. № 3 (28). URL: http://tverlingua.ru/archive/028/07_28.pdf
6. Романова Л. А. Структурно-семантические аспекты перформативов в функциональной парадигме языка. М.: ИЯ РАН, 2009. 180 с.
7. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 206 с.
8. Чесноков П. В. Семантические формы мышления и грамматика // Значение и смысл речевых образований. Калинин: КГУ, 1979. С. 126-145.

Т. А. Островская

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИСКУРСА ЭЛИТЫ

АННОТАЦИЯ: Рассматриваются проблемы исследования дискурса элиты с позиций семиотики. Вводится понятие и дается определение поведенческого дискурса элиты. Выявляются подходы к созданию лингвосемиотической модели дискурса элиты.

SUMMARY: This article deals with the problems of study of the elite discourse from the standpoint of semiotics. The author introduces the concept and defines the behavior of the elite discourse. The approaches for creating lingvosemiotic models of the elite discourse are revealed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивная личность, элита, семиотика, поведенческий дискурс.

KEY WORDS: discursive identity, elite, semiotics, behavioral discourse.